

КАК СЕГОДНЯ ИЗУЧАТЬ ИСТОРИЮ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ?
МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА
НА ПЕТЕРБУРГСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ФОРУМЕ 30 ОКТЯБРЯ 2019 ГОДА

УДК 947.02; ББК 63.3(2)4; DOI <https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.101>

А. И. Филюшкин

**КАК СЕГОДНЯ ИЗУЧАТЬ
ИСТОРИЮ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ?**

«История — это то, что делают историки»¹. Эта известная цитата Антуана Про обычно приводится, когда речь идет об истории как культурной практике, а не научном знании². Однако сегодня вопрос, что же делать профессиональным ученым, является

¹ Про А. Двенадцать уроков по истории М., 2000. С. 11.

² Ср.: Колосов Н. Е. Как думают историки. М., 2001. С. 14.

злободневным для историков, живущих среди обломков имперской и советской историографии на постсоветском пространстве. Речь идет прежде всего о двух вещах: выборе тематики и методологии изучения истории. В наши дни на постсоветском пространстве их номенклатура в разных странах неодинакова, мотивы выбора неочевидны, а перспективы далеко не всегда оптимистичны³.

До распада СССР и образования на его бывшем пространстве независимых национальных государств для историков существовали две модели своей профессиональной реализации. Первую, доминирующую, можно условно назвать гегемонистской. СССР, опираясь на фундамент научного наследия Российской империи (прежде всего музеи, архивные и рукописные собрания), претендовал на звание «великой историографической державы». Методологически это опиралось на исповедование «самой передовой» и «единственно верной» методологии — исторического материализма, тематически — советские историки занимались не только своей, но и всемирной историей, причем довольно успешно⁴.

Это было отражено и в структуре академических институтов. В 1930 г. основан Институт востоковедения АН, в 1947 г. — Институт славяноведения АН, в 1959 г. — Институт Африки АН, в 1961 г. — Институт Латинской Америки АН. В 1968 г. Институт истории АН СССР был разделен на Институт всеобщей истории и собственно Институт истории СССР. На исторических факультетах университетов создавались кафедры древней истории, средневековой истории, новой и новейшей истории и т. д. Номенклатура научных специальностей предусматривала код специальности 07.00.03 — Всеобщая история (с подразделением по эпохам) как особую отрасль научных изысканий. Работы советских историков переводились на иностранные языки⁵, но главное — у них была огромная ниша своих русскоязычных читателей как в СССР, так и в странах «народной демократии» и «третьего мира», сделавших социалистический выбор и ориентировавшихся на «старшего брата».

---

³ *David-Fox M. Multiple Modernities vs. Neo-Traditionalism: On Recent Debates in Russian and Soviet History // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2006. Bd 54. H. 4. P. 535–555; Confino M. The New Russian Historiography, and the Old—Some Considerations // History and Memory. 2009. Vol. 21. No. 2. P. 7–33.*

⁴ Историография советских исследований всеобщей истории обширна, назовем только несколько последних концептуальных обзорных работ: *Хачатурян Н. А. Современная медиевистика России в контексте мировой исторической науки // Средние века. 2001. № 62. С. 195–212; Корзун В. П., Колеватов Д. М. Образ исторической науки в первое послевоенное десятилетие: Трансформация историографических координат // Диалог со временем. 2010. № 33. С. 59–85; Уваров П. Ю. 1) «Мы теряем его!» Сообщество российских медиевистов между 1985 и 2010 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2010. № 1; 2) Советская медиевистика сегодня: утраченное наследие или продолженная традиция? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. № 6; *Крих С. Б., Метель О. В. 1) Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли. М., 2014; 2) Советская историография древности: структуры, люди, идеи: Путеводитель по советской науке о древней истории. М., 2019; Ушаков В. А., Барышников В. Н., Адамова Н. Э., Карцов А. С. 180-летие изучения истории Нового и новейшего времени в Санкт-Петербургском университете // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16-1. С. 18–66.**

⁵ Очень меткая, хотя и несколько публицистичная оценка места историков, занимавшихся в СССР всеобщей историей, содержится в очерке П. Ю. Уварова: *Уваров П. Ю. Вот тут все и кончилось, Или фракталы российской историографии // Уваров П. Ю. Между «ежами» и «лисами»: Заметки об историках. М., 2015. С. 151–159.*

Вторая тенденция может быть обозначена как национально-локальная. СССР в рамках своего понимания и своей идеологии придерживался идеи развития наций, входящих в его состав. В 1930–50-е гг. создавались республиканские отделения АН СССР, в составе которых в большинстве случаев открывались свои национальные исторические институты, издавались специально написанные истории союзных и автономных республик. Это был советский официоз, но все-таки предполагавший изучение в каком-то виде «своей» истории, что закладывало основу для будущего формирования национальных историографий, пусть пока написанных по советским идеологическим канонам⁶. Локальная история закладывала основы будущего обращения к истории идентичностей — как региональных, так и национальных⁷.

Кроме того, увлечение «национальным» находило выход в околоисторических произведениях (художественная литература и публицистика, искусство и т. д.), где формировалась неофициальная историческая культура, ориентированная на местные национализмы. Как пример можно вспомнить роман-эссе В. Чивилихина «Память», по названию которого был наименован Национально-патриотический фронт «Память» (1980), одна из доперестроечных националистических организаций в СССР⁸. Уход в историческое прошлое был в СССР своего рода формой культурного диссидентства (вспомним известное высказывание А. М. Панченко: «Я эмигрировал в Древнюю Русь»⁹). Сюда же можно отнести рост краеведения в СССР в третьей четверти XX в.

Если выделять главную черту в изображении истории советской наукой, то ей был презентизм. Он частично вырос из сотериологических идей позитивистской историографии конца XIX – начала XX в., когда историческая наука должна была обязательно обосновывать идею прогресса и неизбежности позитивного будущего¹⁰. Это хорошо легло на официальную идеологию СССР — в качестве светлого будущего предполагался коммунизм, следовательно, история человечества должна писаться как история его пути к коммунизму. Применительно к ранним эпохам данная проблематика раскрывалась при обращении к истории классовой борьбы, народных восстаний, революционных движений. Именно эти сюжеты сделались основными при освещении даже средневекового и древнего прошлого (хотя явно не были таковыми для современников).

⁶ Ср.: *Krapauskas V.* Marxism and Nationalism in Soviet Lithuanian Historiography // *Journal of Baltic Studies*. 1992. Vol. 23. No. 3. P. 239–260; *Екельчик С.* Украинская историческая память и советский канон: Как определялось национальное наследие Украины в сталинскую эпоху // *Ab imperio*. 2004. № 2. С. 77–124; *Rebas H.* Dependence and Opposition. Problems in Soviet Estonian Historiography in the late 1940s and early 1950s // *Journal of Baltic Studies*. 2005. Vol. 36. No. 4. P. 423–444; *Wulf M., Grönholm P.* Generating Meaning Across Generations: The Role of Historians in the Codification of History in Soviet and Post-Soviet Estonia // *Journal of Baltic Studies*. 2010. Vol. 41. No. 3. P. 351–382; *Lanzillotti I.* Historiography and the politics of land, identity, and belonging in the twentieth-century North Caucasus // *Nationalities Papers*. 2016. Vol. 44. No. 4. P. 503–521.

⁷ Ср.: *Бурдые П.* Идентичность и репрезентация: Элементы критической рефлексии идеи «региона» // *Ab imperio*. 2002. № 3. С. 45–61.

⁸ *Молотов И.* Черная дюжина. Общество смелых. М., 2016. С. 7–9.

⁹ *Панченко А. М.* Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: История и культура. СПб., 2008.

¹⁰ Ср.: *Бойцов М. А.* Вперед, к Геродоту! // *Казус: Индивидуальное и уникальное в истории*. 1999. № 2. С. 17–41.

Презентизм был необходим и для другого. Историческая наука в СССР подчинялась общим идеологическим задачам, а именно — должна была легитимизировать существующее положение дел, обосновывать и доказывать правильность политики Советского Союза, нерушимый союз братских народов, неизбежность социалистического выбора. Аргументы в пользу этой легитимации черпались не только в истории последнего, XX столетия, но искались в глубине веков¹¹. Интеллектуальный конструкт под названием «История народов СССР», реализуемый в учебниках, университетских курсах, музейных экспозициях, политической пропаганде, предполагал создание «общей» («союзной») истории, логичной и единой, начиная с государства Урарту и скифских времен и вплоть до последнего съезда КПСС. Средневековая Киевская Русь, объединившая славян и финно-угров Восточной Европы, выступала своего рода прообразом СССР¹², став «колыбелью» для русского, украинского и белорусского народов, единых в историографически сконструированной древнерусской народности¹³.

После распада СССР в 1991 г. вся система производства и воспроизводства исторического знания рухнула, и новые национальные государства занялись собственным историографическим строительством. Каковы его основные черты и какие перспективы развития историографической ситуации можно спрогнозировать?

Первая тенденция — сокращение масштабов изучения всеобщей истории. На роль «всемирной историографической державы» может вместе с Россией претендовать Украина¹⁴, где работают два академических института (Институт сходознавства ім. А. Ю. Кримського¹⁵ и Державна установа «Інститут всесвітньої історії НАН України»¹⁶), издается научный журнал «Проблеми всесвітньої історії»¹⁷. В Белоруссии существует Институт истории

¹¹ Ср.: *Пихоя Р. Г.* Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20–30-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 28–53; *Свешников А.* Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930–1940-х годов // Новое литературное обозрение. 2008. № 2. С. 86–112; *Шнирельман В.* Президенты и археология, или что ищут политики в древности: Далекое прошлое и его политическая роль в СССР и в постсоветское время // *Ab imperio*. 2009. № 1. С. 279–325.

¹² *Van Nieuwerkerken A.* Ruś kijowska między eurazją a Europą środkowowschodnią. Rosyjskie narracje tożsamościowe z zachodniego punktu widzenia // *Porownania*. 2015. No. 16. S. 19–30; *Halperin Ch.* A comparative approach to Kievan Rus // *Russian History*. 2015. Vol. 42. No. 2. P. 149–157; *Kovalev R.* Reimagining Kievan Rus' in unimagined Europe // *Russian History*. 2015. Vol. 42. No. 2. P. 158–187; *Dvornichenko A.* The Place of the Kievan Rus in History // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. № 4. С. 5–17; *Rieß H.* Should Kievan Rus' be forgotten? (German gymnasium history textbooks of the late 20th century) // *Quaestio Rossica*. 2018. № 6. С. 581–595.

¹³ История становления и формирования этой концепции подробно описана в книге: *Юсова Н.* Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). Вінниця, 2005. Ср.: *Толочко А. П.* Воображенная народность // *Ruthenica*. 2002. № 1. С. 112–117.

¹⁴ Ср.: *Грицак Я.* Украинская историография: 1991–2001. Десятилетие перемен // *Ab imperio*. 2003. № 2. С. 427–454.

¹⁵ URL: <http://www.nas.gov.ua/UA/Org/Pages/default.aspx?OrgID=0000313> (дата посещения — 10.08.2019).

¹⁶ URL: <http://www.nas.gov.ua/UA/Org/Pages/default.aspx?OrgID=0000038> (дата посещения — 10.08.2019).

¹⁷ URL: <http://ivinas.gov.ua/uk/publikatsiji/naukovyi-zhurnal-problemy-vseshvitnoi-istorii.html> (дата посещения — 10.08.2019).

НАН Беларуси, где из шести отделов всеобщей историей занимается только один (Центр всеобщей истории и международных отношений)¹⁸. Отдел всеобщей истории также существует в Институте истории НАН Армении¹⁹. На остальном постсоветском пространстве изучение всеобщей истории либо является личной инициативой ученого²⁰, либо связано с университетскими кафедрами всемирной истории (которых тоже немного)²¹.

Сама по себе ситуация выглядит достаточно парадоксальной. Прозападный вектор в политическом развитии практически всех стран постсоветского пространства очевиден — и в то же время изучение исторического опыта Запада не является трендом. Вестернизация, таким образом, целиком уходит от профессиональных историков в области политической пропаганды и культуры. В гуманитарных науках она сводится к усвоению определенных методологических посылов²² (во многих институтах истории есть специальные сектора по изучению современной методологии), но изучение зарубежной истории имеет скромную базу в виде соответствующих научно-организационных структур.

Другой парадоксальной компонентой этой конструкции является выпадение из исторической картины мира России. Теоретически после распада СССР для Украины, Латвии, Грузии и других стран история России — это всеобщая история. Но мало того, что структур, призванных изучать всеобщую историю, в этих национальных государствах мало — история России этими структурами как часть всеобщей истории почти не изучается (исключая отдельные исследования)²³. Тема российского прошлого в бывших республиках, а ныне независимых государствах в основном находится в компетенции институтов национальной памяти, организаций, отвечающих за политическую пропаганду. То есть изучается в строго определенной парадигме: какие у нас были контакты и связи с Российской империей/СССР (трактуемые в однозначно негативном ключе) и какую историческую травму нам нанесла Россия. Другое изучение российской истории научными структурами на постсоветском пространстве сегодня фактически не предусмотрено: России отказывают в принадлежности к мировой истории и сводят ее историческую роль к «анти-Украине», «анти-Литве», «анти-Эстонии». Данный подход относится к сфере пропаганды и исторической политики, но не науки.

В новых независимых государствах на постсоветском пространстве в абсолютном приоритете находятся национальные истории²⁴. На Украине изучение национальной

¹⁸ URL: http://history.by/struktura-instituta/center_of_world_history_and_international_relations (дата посещения — 10.08.2019)./

¹⁹ URL: <http://www.academhistory.am/en/structure/departament-of-global-history.html> (дата посещения — 10.08.2019).

²⁰ Например: *Zhumagulov K.* Contemporary Kazakhstan medieval studies of the periodization of the history of early medieval Europe // *Life Science Journal*. 2014. No. 11. P. 223–226.

²¹ *Нефёдов В. В., Острога В. А.* Проблемы новой и новейшей истории в современной белорусской историографии // *Новая и новейшая история*. 2017. № 5. С. 166–178.

²² Ср.: *Мишечкин Г. В.* Теоретико-методологическая база постсоветской исторической науки (90-е гг. XX – нач. XXI вв.) // *Белые пятна российской и мировой истории*. 2017. № 3. С. 25–39.

²³ Ср.: *Сергеенкова В. В., Яновский О. А.* Российская история в исследовательской и преподавательской практике историков БГУ (1921–2017) // *Журнал Белорусского государственного университета*. История. 2018. № 4. С. 117–128.

²⁴ *Kuzio T.* Post-Soviet Ukrainian Historiography in Ukraine // *Internationale Schulbuchforschung*. 2001. Vol. 23. No. 1. P. 27–42; *Tchoroev T.* Historiography of post-Soviet Kyrgyzstan //

истории сосредоточено в шести (!) академических институтах и центрах (Институт історії України, Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського, Львівське відділення Інституту української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, Інститут археології, Центр пам'яткознавства НАН України і Українського товариства охорони пам'яток історії та культури)²⁵, а также в специально созданном Украинском институте национальной памяти²⁶. В Молдове есть Институт истории²⁷, занимающийся в основном национальной историей, и Институт культурного наследия²⁸. На истории Литвы сосредоточен Литовский Институт истории²⁹. В Эстонии создан Эстонский институт национальной памяти³⁰. При Латвийском университете действует Институт истории Латвии³¹. В Грузии изучение своей истории сосредоточено в Институте истории и этнографии им. И. Джавахишвили³². Разработка общей концепции истории Азербайджана названа приоритетным направлением научных исследований для Института истории им. Аббасгулу Ага Бакиханова НАН Азербайджана³³. На истории Казахстана сосредоточен Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова³⁴. Аналогичная ситуация с Институтом Истории Академии Наук Республики Узбекистан³⁵, Институтом истории и культурного наследия Республики Киргизстан³⁶ (в 2018 г. также обсуждался вопрос об открытии научно-исследовательского института древней истории кыргызов, но отложен из-за нехватки финансирования)³⁷.

International Journal of Middle East Studies. 2002. Vol. 34. No. 2. P. 351–374; Семенов А. От редакции. Дилеммы написания истории империи и нации: Украинская перспектива // *Ab imperio*. 2003. № 2. С. 377–386; Morozova I. Contemporary Azerbaijani Historiography on the Problem of «Southern Azerbaijan» after World War II // *Iran & the Caucasus*. 2005. Vol. 9. No. 1. P. 85–120; Zolyan M., Zakaryan T. Representations of «Us» and «Them» in History Textbooks of Post-Soviet Armenia // *Internationale Schulbuchforschung*. 2008. Vol. 30. No. 4. P. 785–795; Streșină V. Des conclusions sur les représentations de la Moldavie postsoviétique // *Revista Transilvania*. 2009. Vol. 1. P. 63–67; Dadabaev T. Power, social life, and public memory in Uzbekistan and Kyrgyzstan // *Inner Asia*. 2010. Vol. 12. No. 1. P. 25–48; Bouma A. Turkmenistan: Epics in Place of Historiography // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2011. Bd 59. H. 4. P. 559–585; Epkenhans T. Historiographie in Tadschikistan [Zwischen mythos und minenfeld] // *Osteuropa*. 2012. Bd 62. H. 3. P. 137–150; Plokhly S. Quo Vadis Ukrainian History? // *Harvard Ukrainian Studies*. 2015–2016. Vol. 34. No. 1. P. 11–34.

²⁵ URL: <http://www.nas.gov.ua/UA/Structure/Pages/default.aspx> (дата посещения — 10.08.2019).

²⁶ URL: <http://www.memory.gov.ua/> (дата посещения — 10.08.2019).

²⁷ URL: <http://www.history.asm.md/> (дата посещения — 10.08.2019).

²⁸ URL: <http://patrimoni.asm.md/?lang=en> (дата посещения — 10.08.2019).

²⁹ URL: <http://www.istorija.lt/en/> (дата посещения — 10.08.2019).

³⁰ URL: <http://mnemosyne.ee/> (дата посещения — 10.08.2019).

³¹ URL: <https://www.lvi.lv/en/contents.htm> (дата посещения — 10.08.2019).

³² URL: <https://gruzia.spr.ru/tbilisi/institut-istorii-i-etnografii-im-i-dzhavahishvili.html> (дата посещения — 10.08.2019).

³³ URL: <http://science.gov.az/institutes/760> (дата посещения — 10.08.2019).

³⁴ URL: <http://iie.kz/?lang=ru> (дата посещения — 10.08.2019).

³⁵ URL: <http://www.uzhistory.uz/> (дата посещения — 10.08.2019).

³⁶ URL: <http://naskr.kg> (дата посещения — 10.08.2019).

³⁷ URL: <https://knews.kg/2018/03/05/akademiya-nauk-predlagaet-ne-otkryvat-institut-drevnej-istorii-kyrgyzov/> (дата посещения — 10.08.2019).

Само по себе бурное развитие национальных историографий, бесспорно, способствует изучению прошлого народов и стран на постсоветском пространстве и освещает многие ранее малоизвестные (или даже вообще неизвестные) страницы истории. Главных «минусов» у национальной историографии два.

Первый — это уже упоминавшийся презентизм. Национальная история по определению призвана обосновать и легитимизировать высокий статус нации, успехи нации, объяснить причины неудач нации, назвать виновных в ее жертвах и пр.³⁸ Применительно к XIX–XX вв. предмет для изучения более-менее очевиден, но чем дальше углубляться в прошлое, тем больше возникает вопросов, что же именно считать своей национальной историей. Тем более что большинство стран постсоветского пространства не обладало ни в Средние века, ни в Новое время своей собственной государственностью. Отсюда и начинается борьба за историческое наследие (пример — Великое княжество Литовское, наследие которого делят Белоруссия, Литва, в несколько меньшей степени — еще и Украина³⁹), приписывание средневековой истории национальных мотивов (образ Киевской Руси как предшественницы современной Украины, спор за историческое право на Киевскую Русь между Россией и Украиной)⁴⁰. Такие трактовки просто ненаучны и неисторичны, но логика написания национальной истории требует обращения именно к ним, иначе эту национальную историю придется начинать поздно, с Нового времени (что, собственно, будет правильно, поскольку нации — продукт Нового времени). А признание такого положения дел вредно для национального самолюбия и потому недопустимо.

Оптика презентизма ведет к сегментизации нашего знания о прошлом, о чем очень точно сказал А. В. Мартынюк: «Ясно обозначилась тенденция к фрагментации поля исследования в области изучения истории восточнославянского Средневековья. Сейчас соответствующие штудии все более институализируются как “история Беларуси”, “история России”, “история Украины”. Повторимся, такая ситуация обусловлена объективными причинами. Однако эта тенденция ведет к проекции современных границ в далекое прошлое и появлению у каждой историографии “своего Средневековья”. “Свое Средневековье” в России — это история Новгородской республики и Московского княжества/царства; в Беларуси — история Полоцкой земли и Великого княжества Литовского; на Украине — история Киева и Галицко-Волынской державы Романовичей. Главным недостатком такого подхода является его телеологичность: все процессы рассматриваются только как предыстория современных политических реалий, прежде всего — современных государств и наций»⁴¹.

Отсюда вытекает второй «минус» — национальная история очень сильно подвержена конструктивизму, причем у выдуманных исторических конструкторов очень мало шансов стать конвенциональными, добиться историографического признания. Это продукт

³⁸ Цатурова С. К. О пользе презентизма, или как изучать истоки национального государства в ожидании его отмирания // Диалог со временем. 2018. № 65. С. 59–72.

³⁹ Mažeika R. The Grand Duchy rejoins Europe: Post-Soviet developments in the historiography of pagan Lithuania // Journal of Medieval History. 1995. Vol. 21. No. 3. P. 289–303.

⁴⁰ Kappeler A. Ukraine and Russia: Legacies of the imperial past and competing memories // Journal of Eurasian Studies. 2014. Vol. 5. No. 2. P. 107–115.

⁴¹ Мартынюк А. В. «Великий раскол» восточнославянской медиевистики: семь тезисов к дискуссии // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2017. № 1. С. 148–149.

большей частью для внутреннего употребления, при этом внешнее согласие не очень-то и нужно. У этой историографии другие, сугубо внутренние задачи. Но научное знание нуждается в верификации, причем наиболее качественной является внешняя верификация. Конструктивизм национальных историй относится скорее к области инструментария исторической политики, но не к научному знанию. Для науки это тупиковый путь: он в начале своего развития дает эффект закрытия «белых пятен» и написания «подлинной истории» народа или страны. Но этот эффект быстро исчерпывается, и начинается весь вышеописанный негатив.

К тому же национальные историографии очень трудно между собой согласовать. Неизбежно возникают противоположные трактовки одних и тех же сюжетов, и начинается «война историографий» и «война памятей», которые, собственно, мы сегодня и наблюдаем на постсоветском пространстве. Это вопросы развития пропаганды и исторической политики, обслуживающей интересы государственной политики, но не науки. Гносеологических перспектив эта ситуация не порождает и породить не может. Это ведет к вырождению истории из научного знания (или, по крайней мере, попытки получить такое знание) в культурную практику (недаром на постсоветском пространстве столь популярны постмодернистские исторические деконструкции).

Поэтому современное доминирование на постсоветском пространстве сепаратных национальных историографий при отказе от общих концепций и общего видения истории региона не внушает оптимизма. Оно научно бесперспективно. А. В. Мартынюк справедливо охарактеризовал эту ситуацию как новую Великую Схизму, историографический раскол славянского мира⁴². Наука в глобальном мире XXI в. не может развиваться по лекалам XIX в., когда история формировалась под влиянием романтического национализма славянских будителей и имперской идеологии державы Романовых. Воспроизводство этой модели сегодня — это архаизм, методологический шаг назад. Для ученых на постсоветском пространстве это означает падение уровня в принципе, превращение региона в периферию мировой науки (что уже сегодня выражается в сокращении изучения всемирной истории). Подчиненность национальной исторической политике ставит науку в этих странах на роль обслуживания интересов сиюминутной политической конъюнктуры. В то же время неясно, что сегодня можно противопоставить этому бурному развитию национальных историй.

Россия на этом фоне занимает особую позицию. Ее историографическая жизнь слишком разнообразна, в ней присутствуют и национальные истории (русская, татарская, башкирская, калмыцкая и прочие, причем они конфликтуют между собой⁴³), и инерция советской и даже имперской историографии, и либеральные версии истории

---

⁴² Мартынюк А. В. «Великий раскол»... С. 146–153.

⁴³ Например, спор, делать ли для России праздничной датой день освобождения от монголо-татарского ига (Госсовет Татарстана выступил против установления памятной даты в честь окончания Великого стояния на Угре // https://www.idelreal.org/a/28913983.html?fbclid=IwAR1jDMalqqikB3biNC-Tr_aCe03XNQ-oE30Pa2NEdVsQ1RJziN5PjWsqW4 (дата посещения — 10.08.2019); Татарстанские ученые осудили планы калужского губернатора признать Стояние на Угре памятной датой // https://www.tatar-inform.ru/news/2019/08/10/659208/?fbclid=IwAR2sq2e-XCc75zgZM4sGp4HxO5jIETzATdY_quRHZBrvVhDh-wkotp56Sig (дата посещения — 10.08.2019)).

(Вольное историческое общество⁴⁴). Главное — тематически историография охватывает очень широкий круг вопросов по отечественной и всеобщей истории, что в сочетании с современным курсом правительства на повышение присутствия российской науки в международных высокорейтинговых базах данных позволяет говорить о сохраняющихся претензиях России на статус мировой «великой историографической державы».

Показательны следующие цифры: в международную базу Scopus по направлению «История» в 2019 г. входило 30 российских журналов (восемь — первого квартиля, восемь — второго, пять — третьего, четыре — четвертого и пять без квартиля). Такого количества международно признанных исторических журналов нет ни у одной страны на постсоветском пространстве. Журналов по истории, индексируемых в Scopus, вообще нет у Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизстана. Отметим, что такие журналы, правда, в гораздо меньшем количестве есть у постсоветских стран-членов ЕС (Эстония — четыре журнала, один третьего квартиля: «Acta Historica Tallinnensia» и три — четвертого: «Tuna», «Baltic Journal of Art History» и «Ajalooline Ajakiri»); Латвия — два журнала третьего квартиля — «Letonica» и «Makslas Vesture un Teorija», Литва — два журнала, один четвертого квартиля «Tautosakos Darbai» и один без квартиля «Acta Academiae Artium Vilnensis») и три у Молдовы, интегрированной, по мнению А. Кушко А., В. Таки, в румынскую историографию⁴⁵ (два журнала первого квартиля — «Stratum Plus» и «Русин» и один без квартиля «Plural. History. Culture. Society»)⁴⁶.

Данная картина показательна для иллюстрации приоритетов: российская историческая наука, при всей противоречивости ее развития, по инициативе самих исследователей или под давлением государственных органов управления наукой работает в международном контексте и ориентируется на мировую историографию. Инерция и сопротивление «низкопоклонству перед Западом» тоже имеют место, как и полемика и борьба с «зарубежными фальсификациями» (настоящими и вымышленными). Но в любом случае российская модель — это не автаркия национальных историографий, а многовекторность и многовариативность развития.

Но эта многовекторность имеет и обратную сторону: российская историография сегодня не смогла предложить новой конвенциональной концепции истории Восточной Европы, которая получила бы признание у коллег из других стран. Ее построения воспринимаются в национальных историографиях как охранительные и ортодоксальные, направленные на оправдание прошлого Российской империи и СССР. Диалога не получается, во всяком случае, по многим направлениям. В национальных историографиях с сочувствием и пониманием относятся к работам, в которых доминирует критика российской истории, особенно — империи, тирании, авторитаризма, агрессивной внешней политики и т. д. Другая проблематика может быть интересна, только если перекликается с какими-то личными научными интересами. Российская

⁴⁴ Примечательно название одного из программных докладов ВИО: «Какое прошлое нужно будущему России» (Васильчук Т. Две памяти России: Вольное историческое общество представило доклад, посвященный российским репрезентациям прошлого // Новая газета. 2017. 25 января).

⁴⁵ Кушко А., Таки В. «Кто мы?» Историографический выбор: Румынская нация или молдавская государственность // *Ab imperio*. 2003. № 1. С. 485–497.

⁴⁶ Рейтинг журналов на 2019 г. см.: <https://www.scimagojr.com/journalrank.php?area=1200> (дата посещения — 12.06.2020).

историография — сегодня для историков постсоветского пространства вовсе не ориентир, а скорей объект противостояния.

На сегодняшний день непонятно, как преодолеть концептуальный раскол, разницу видения прошлого Восточной Европы. Надо ли в принципе преодолевать этот раскол? Что плохого в плюрализме мнений? В плюрализме ничего страшного нет, в спорах рождается истина. Но эта полемика должна быть научной, а не презентистски ориентированной, зависящей от национальной исторической политики. И для полемики должна быть какая-то общая платформа, от которой можно одинаково отталкиваться. Если одни историки сформированы на В. О. Ключевском, Б. Д. Грекове и И. Я. Фроянове, другие — на М. С. Грушевском, третьи — на Н. И. Ермоловиче, то им будет очень трудно понять друг друга в дискуссии, к примеру, о государственности Киевской Руси.

Как можно уйти от подгонки подхода к прошлому под требования современности? А. В. Мартынюк предложил византизировать древнерусскую историю⁴⁷. Сегодня никто не выступает с претензией на статус преемника Византийской империи, а ее деяния — это просто исторический феномен, глава в мировой истории. Идея правильная, но трудновыполнимая, поскольку требует от национальных историографий самоотречения, на которое они по своей природе неспособны.

Конструктивнее будет поставить вопрос о разделении изучения собственно исторических феноменов (историко-культурных общностей) от их «следа в истории», исторической памяти об этих сообществах. Например, мы имеем историко-культурную общность восточных славян (в полемику, насколько это было именно «общностью», сейчас не будем вдаваться), которые, начиная с VI в. н. э., пытались на пространствах, именуемые сегодня Восточной Европой, создать какие-то свои объединения, политии, после принятия христианства в IX в. являлись носителями более-менее гомогенной православной культуры. Высшей точкой развития этой общности явилось создание Древней Руси, степень государственного единства которой, как и сам характер древнерусской государственности остаются предметом научной полемики. Очевидно, что конец этой историко-культурной общности наступает в XIII в. и связан со многими факторами: началом церковного раскола славянского мира, монголо-татарским нашествием, выходом на политическую арену региона новых игроков, в частности, Княжества Литовского, Немецкого ордена, Улуса Джучи и других.

В дальнейшем, уже с XV–XVI вв., начинает формироваться память о Древней Руси как особой эпохе, домонгольской и долитовской, причем складываются разные мифологические модели этого прошлого: модель московских летописных сводов конца XV в., модель польской и литовской ренессансной хронографии, видение прошлого в псковских и новгородских летописях. В чем-то эти модели отражали события далекого прошлого, в чем-то изобретались по лекалам историографии Ренессанса или политического заказа, обусловленного московской автокефалией. Вариантов здесь много, надо только четко отдавать себе отчет в том, что реально бывшая древнерусская история и рассказ о ней в летописях, хрониках, исторических сочинениях позднего Средневековья и раннего Нового времени очень во многом не релевантны.

Это явление, когда средневековое прошлое востребовано для решения идеологических, культурных, политических, идентификационных задач Нового и затем новейшего

---

⁴⁷ Мартынюк А. В. «Великий раскол»... С. 152.

времени, получило название медиевализма. Историография XIX в., ориентированная как на романтический национализм, так и государственную идеологию Российской империи, была медиевалистски ориентированной. Мы сегодня должны смотреть на нее прежде всего как на историко-культурное наследие, а не изображение «подлинно научной» картины древнерусского прошлого. Думается, что мы начали приближаться к по-настоящему научной реконструкции древнерусского прошлого только во второй половине XX – начале XXI в., когда, во-первых, были осуществлены масштабные археологические исследования, и, во-вторых, в результате «культурного поворота» оформились современные методы анализа нарративных источников.

Какие вопросы в истории Восточной Европы сегодня, на наш взгляд, в первую очередь нуждаются в поисках ответов? После работ Ф. Курты⁴⁸ и П. Урбанчика⁴⁹ ранний период восточнославянской истории также ждет своего «испытания конструктивизмом». Но попытки реконструировать древнерусское прошлое с помощью анализа нарративных памятников современными методами (например, интересная книга «Вече и князь» Т. Вилкул)⁵⁰ пока не нашли поддержки в ученой среде⁵¹. Тем не менее, движение в этом направлении в историографии есть, и оно связано в первую очередь с примеркой лекал «библейской истории» на древнерусскую в работах А. П. Толочко⁵², И. Н. Данилевского⁵³ и других ученых.

На данном этапе — это скорее деконструкция традиционной истории Киевской Руси, чем создание гипотез с помощью конструктивистских подходов. Показательна в этом

⁴⁸ *Curta F.* 1) *The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region.* Cambridge, 2001; 2) *Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250.* Cambridge, 2006. Дискуссию по концепции Ф. Курты см.: *Milich P.* [Review to *The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region c. 500–700* by Florin Curta] // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 2003. Bd 51. H. 1. P. 90–98; *Иванов С. А.* «В тени Юстиниановых крепостей»? Ф. Курта и парадоксы раннеславянской этничности // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2008. № 2. С. 5–12; *Шувалов П. В.* Изобретение проблемы (по поводу книги Флорина Курты) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2008. № 2. С. 13–20; *Barford P.* *Slavs Beyond Justinians Frontiers* // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2008. № 2. С. 21–32.

⁴⁹ *Urbańczyk P.* *Trudne początki Polski.* Wrocław, 2008. — Ср. рецензию: *Алимов Д. Е., Кибинь А. С.* [Urbańczyk Przemysław. *Trudne początki Polski.* Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego Sp. z o. o., 2008. 420 s. ISBN 978-83-229-2916-2] // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2010. № 1. С. 213–236.

⁵⁰ *Вилкул Т. Л.* Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009.

⁵¹ См. критические рецензии: *Лукин П. В.* Деконструкция деконструкции (О книге Т. Л. Вилкул по истории древнерусского вече) // *Scrinium.* Т. 4: *Patrologia Pacifica. Selected papers presented to the Western Pacific Rim Patristics Society 3rd Annual Conference (Nagoya, Japan, September 29 – October 1, 2006) and other patristic studies* / Ed. by V. Varanov and B. Lourié (2008). СПб., 2008. С. 403–434; *Дворниченко А. Ю.* «Нарративы! Нарративы! До чего ж вы довели...»: о книге Т. Л. Вилкул «Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв.» (М.: Квадрига, 2009. 408 с.) // *Вестник С.-Петербургского университета. Серия 2: «История».* 2011. № 4. С. 152–157.

⁵² *Tolochko O. P.* *The Primary Chronicle's «Ethnography» Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper and the Origin of Rus' State* // *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe.* Turnhout, 2008. P. 169–188.

⁵³ *Данилевский И. Н.* *Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов.* М., 2004.

плане книга А. П. Толочко, в которой он применяет интереснейший прием: попытку реконструировать древнерусскую историю, изъев из источников «Повесть временных лет»⁵⁴. Что бы мы знали о Руси, если бы «Повесть...» до нас не дошла? — ставит вопрос автор. Но вариант ответа, который предлагает А. П. Толочко — абсолютно позитивистский. Получается странное сочетание методов: критика существующей историографии А. П. Толочко основана на методах деконструкции с привлечением постмодернизма, а собственные концепции — это опять старая добрая социально-экономическая история, основанная на сугубо умозрительных построениях с привлечением минимума источников. То есть ровно то же самое, что в первой части книги подверглось блестящей аргументированной критике — но применительно к работам других исследователей.

В любом случае, сегодня очевидно, что буквальное прочтение восточнославянских средневековых нарративов больше не может быть основой исторических реконструкций. Картина, которая рисуется на их основе, все больше не согласуется с данными археологии. Например, последние результаты раскопок в Гнездово, Старой Ладоге, на Рюриковом городище рисуют иную картину, чем рассказ «Повести временных лет» о призвании варягов. Судя по всему, славянское взаимодействие с варягами имеет более долгую и сложную историю, чем летописная версия об их приходе/призвании в IX веке⁵⁵.

В связи с этим необходима разработка двух научных направлений:

1) анализ славянского средневекового нарратива с использованием методов современной нарратологии, исторической герменевтики, структурализма. Такие работы есть, но они разрозненны и фрагментарны, не создают общей картины эволюции образов и формирования исторической мифологии в литературе Древней Руси;

2) изучение с привлечением последних данных археологии, лингвистики, этнологии. Во-первых, способов и характеристик складывания средневековых восточнославянских политий⁵⁶, во-вторых — формирования этнокультурных средневековых общностей на территории будущей Восточной Европы. Концепцию древнерусской народности можно считать развенчанной, а вот взамен ее пока ничего значительного не сформулировано.

Другая существенная проблема — поиск ответа на вопрос, почему средневековые славянские королевства не смогли создать что-то большее, чем краткоживущие монархии, довольно быстро попадавшие в зависимость от других держав, и что в этом контексте происходило в Восточной Европе? Как получилось, что средний срок их

---

⁵⁴ Толочко А. П. Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015.

⁵⁵ См., например: Еремеев И. И., Дзюба О. Ф. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки: Археологические и палеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб., 2010; Романчук А. А. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: Взгляд со стороны // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2013. № 5. С. 283–299; Томсинский С. В. Ленинградский неонорманизм: Истоки и итоги // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2014. № 5. С. 357–370; Киртичников А. Н., Курбатов А. В. Новые данные о происхождении ладожского поселения и о появлении славян в Поволховье // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2014. № 5. С. 129–136; Еремеев И. И. Планиграфия и хронология древнейших этапов жизни Рюрикова Городища по материалам исследований 2013–2016 гг. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 2. С. 67–92; Петрухин В. Я. Новгородское Городище и Гнездово: 40 лет полемики // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 2. С. 93–100.

⁵⁶ Ср.: Franklin S. Pre-Mongol Rus': New Sources, New Perspectives? // *The Russian Review*. 2001. Vol. 60. No. 4. P. 465–473.

независимой жизни — не более двух-трех веков? Почему более долгий срок оказывается отпущен тем образованиям, которые пытались на основе своей монархии объединить другие политические образования и народы («монархия Ягеллонов», унии Королевства Польского и Великого княжества Литовского, Древней Руси, Московской Руси)? Каков вообще механизм взаимодействия этнокультурных и политических общностей в регионе, как выстраивалась иерархия идентичностей, какие факторы на нее влияли? Все эти аспекты изучались очень фрагментарно, тут требуются систематизирующие работы.

«Вечной темой» остается проблема взаимовлияния исторических субъектов на просторах Восточной Европы. Речь идет о главных акторах: Великом княжестве Литовском, Орде, Великом княжестве Владимирском, со временем превратившемся в Государство всея Руси и Российское царство. Трактовка монголо-татарского нашествия как исторической катастрофы в трудах историков уже получила достаточное обоснование, о вариантах заимствования политической культуры Руси у Орды тоже много писали. В последние годы получает развитие рассмотрение эпохи господства Золотой Орды с точки зрения торговых и культурных коммуникаций, «трансфера культур»⁵⁷. Но эту тему можно попробовать раскрыть в более широком контексте: отдельные примеры подобных исследований⁵⁸ показывают, какие интересные перспективы открываются, особенно в сфере изучения культурных процессов.

Важным представляется история формирования раннемодеิร์น государственности и ее вариантов в Восточной Европе. Эта проблема нередко спекулятивно сводилась к противопоставлению моделей Великого княжества Литовского как «другой Руси» и Московской Руси. Но сами эти модели изучены недостаточно, тем более в контекстах современных подходов и теорий (политической антропологии, «кембриджской школы» и других). Например, только недавно появились исследования Московской Руси как раннемодеิร์น государства, продукта развития бюрократии⁵⁹. В русле этого же направления стоит изучить вопрос о начале формирования Российской империи, о мотивах и стимулах выбора именно имперской модели⁶⁰. Сюда же относятся дискуссии последних лет, несла ли в себе Речь Посполитая имперские черты, и почему они не развились (или во что они развились)⁶¹.

История нациестроительства и национализма как фактора этого процесса обычно изучается применительно к XIX–XX вв., но остается открытым вопрос об истоках

⁵⁷ Nomads as Agents of Cultural Change: The Mongols and their Eurasian Predecessors / Ed. by Reuven Amitai and Michal Biran. Honolulu, 2015; Крадин Н. Н. Восточная Европа и монгольская глобализация // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2016. № 5. С. 17–25.

⁵⁸ Мартынюк А. В. До Герберштейна: Австрия и Восточная Европа в системе персональных связей и культурных контактов (XIII – начало XVI века). М., 2019.

⁵⁹ Кром М. М. Рождение государства. Московская Русь XV–XVI веков. М., 2018.

⁶⁰ Ср.: Филюшкин А. И. Проблема генезиса Российской империи // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей / Ред и сост. И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семенов. Казань, 2004. (Библиотека журнала «Ab Imperio»). С. 375–408.

⁶¹ Grala H. 1) Rzeczpospolita Szlachecka — twór kolonialny? // Perspektywy kolonializmu w Polsce, Polska w perspektywie kolonialnej / Red. J. Kieniewicz. Warszawa, 2016. S. 275–299. (Debaty Artes Liberales. T. X); 2) Was the Polish-Lithuanian Commonwealth a Colonial State? // The Polish Quarterly of International Affairs. 2017. No. 4. P. 125–150.

формирования наций восточных славян, то есть — о раннемодерных нациях. Здесь исследования только начинаются⁶². Впрочем, становление наций в советское время также нуждается в непредвзятом исследовании, здесь пока конъюнктурных плевел куда больше, чем научных зерен. Их надо отделить друг от друга.

Для XVIII – начала XX в., когда земли региона были поделены между Российской и Австро-Венгерской империями, было бы интересно продолжить исследования о цене построения империй, о качестве жизни в разных регионах империи. Здесь был бы очень полезен компаративный подход: сравнить этнокультурную, экономическую, социальную, правовую картину в Российской, Австро-Венгерской, Османской империях, посмотреть динамику изменений, выявить прогрессивные и регрессивные тенденции в политике империй. Экономическая история Восточной Европы не написана, мало того, сегодня это направление из-за рефлексии отторжения на марксизм на постсоветском пространстве находится в забвении. Здесь очень не хватает своего Броделя. Между тем, именно изучение экономической истории современными методами дало бы научные ответы на многие вопросы о роли империи, СССР и перспективах национальных государств.

Используя современные методы изучения, порожденные «культурным поворотом» конца XX в., стоит больше внимания уделить исторической памяти в ее ретроспективе, исторической политике в регионе в Новое и новейшее время, формированию представлений об историко-культурном наследии и его использовании в разных сферах политической, культурной, национальной жизни. Отдельные работы на эту тему начинают выходить⁶³, но огромное поле остается неисследованным.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что развитие всех этих направлений будет продуктивным при обращении к истории Восточной Европы в целом. Без компаративистики здесь нельзя обойтись, причем полезно в области сравнения включать и Балканы, и страны Центральной Европы. В доимперский период изучаемый исторический регион вообще было бы правильнее определять, как Центрально-Восточную Европу от Эльбы и Дуная до Дона и Волги, от Балтики до Черного моря. Исторически здесь все было слишком переплетено и взаимосвязано, чтобы растащить это по национальным историческим квартирам. Эпоха империй дает нам еще более широкую панораму. Чтобы проникнуть за занавес, скрывающий от нас адекватное видение прошлого региона, необходимо историкам всех стран приложить все усилия для разработки новых концепций истории этих земель.

Информация о статье

Автор: Филюшкин, Александр Ильич — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: a.filushkin@spbu.ru, OrcID 0000-0003-2456-7514, Researcher ID F-9139-2013, Scopus ID 55336577600, SPIN-код 1117-2468

Заголовок: Как сегодня изучать историю Восточной Европы?

Резюме: Автор анализирует историографическую ситуацию, сложившуюся в последние годы на постсоветском пространстве. Он обращает внимание на изменение тематики и характера научных исследований. В историографии новых национальных государств доминирует национальная история,

---

⁶² Древняя Русь после Древней Руси: Дискурс восточнославянского (не)единства. М., 2017; Нарративы руси конца XV – середины XVIII века: В поисках своей истории / Отв. сост. и ред. серии А. В. Доронин. М., 2018.

⁶³ Касьянов Г. Украина и ее соседи: Историческая политика 1987–2018. М., 2019.

в их исторической политике — национализм. Это ослабляет научную составляющую, поскольку национальная история по своим характеристикам является презентистской и конструктивистской. Она страдает автаркией, работа ученых замкнута только на национального читателя, а продукция, которая производится национальными историографиями, имеет в основном внутреннего потребителя, с ней трудно выйти на мировую научную площадку. Показателем ситуации является отсутствие индексирования научных журналов этих стран в международных высокорейтинговых базах данных (в отличие от России, Эстонии, Латвии, Молдовы, которые больше ориентируются на интернациональные научные критерии). Происходит сокращение изучения всемирной истории, а история России трактуется в духе соответствующей исторической политики и практически не изучается в научном плане. В статье предлагается обзор актуальных направлений исследований и делается вывод о необходимости научной интеграции и выработки новой общей концепции истории Центрально-Восточной Европы. Здесь перспективны компаративистские исследования, полезно в области сравнения включать и Балканы, и страны Центральной Европы. В доимперский период изучаемый исторический регион вообще было бы правильнее определять, как Центрально-Восточную Европу от Эльбы и Дуная до Дона и Волги, от Балтики до Черного моря. Исторически здесь все было слишком переплетено и взаимосвязано, чтобы растащить это по национальным историческим квартирам.

Ключевые слова: историография, методология истории, Восточная Европа, постсоветское пространство, историческая память

Литература, использованная в статье:

- Алимов, Денис Евгеньевич; Кибинь, Алексей Сергеевич. [Urbańczyk Przemysław. Trudne początki Polski. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego Sp. z o. o., 2008. 420 s. ISBN 978-83-229-2916-2] // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1. С. 213–236.
- Бойцов, Михаил Анатольевич. Вперед, к Геродоту! // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории*. 1999. № 2. С. 17–41.
- Бурдые, Пьер. Идентичность и репрезентация: Элементы критической рефлексии идеи «региона» // *Ab imperio*. 2002. № 3. С. 45–61.
- Вилкул, Татьяна Леонидовна. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. Москва: Квадрига, 2009. 408 с.
- Грицак, Ярослав. Украинская историография: 1991–2001. Десятилетие перемен // *Ab imperio*. 2003. № 2. С. 427–454.
- Данилевский, Игорь Николаевич. Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. Москва: Аспект Пресс, 2004. 370 с.
- Дворниченко, Андрей Юрьевич. «Нарративы! Нарративы! До чего ж вы довели...»: О книге Т. Л. Вилкул «Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв.» (М.: Квадрига, 2009. 408 с.) // *Вестник С.-Петербургского университета. Серия 2: «История»*. 2011. № 4. С. 152–157.
- Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства. Москва: Политическая энциклопедия, 2017. 400 с.
- Екельчик, Сергей. Украинская историческая память и советский канон: Как определялось национальное наследие Украины в сталинскую эпоху // *Ab imperio*. 2004. № 2. С. 77–124.
- Еремеев, Иван Игоревич; Дзюба, Ольга Федоровна. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки: Археологические и палеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2010. 670 с.
- Еремеев, Иван Игоревич. Планиграфия и хронология древнейших этапов жизни Рюрикова Городища по материалам исследований 2013–2016 гг. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 2. С. 67–92.
- Иванов, Сергей Аркадьевич. «В тени Юстиниановых крепостей»? Ф. Курта и парадоксы раннеславянской этничности // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2. С. 5–12.
- Касьянов, Георгий. Украина и ее соседи. Историческая политика 1987–2018. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. 632 с.
- Киртичников, Анатолий Николаевич; Курбатов, Александр Валентинович. Новые данные о происхождении ладожского поселения и о появлении славян в Поволховье // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2014. № 5. С. 129–136.
- Копосов, Николай Евгеньевич. Как думают историки. Москва: Новое литературное обозрение, 2001. 325 с.
- Корзун, Валентина Павловна; Колеватов, Дмитрий Михайлович. Образ исторической науки в первое послевоенное десятилетие: Трансформация историографических координат // *Диалог со временем*. 2010. № 33. С. 59–85.

- Крадин, Николай Николаевич.* Восточная Европа и монгольская глобализация // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* 2016. № 5. С. 17–25.
- Крих, Сергей Борисович; Метель, Ольга Вадимовна.* Советская историография древности: Структуры, люди, идеи: Путеводитель по советской науке о древней истории. Москва: Ленанд, 2019. 200 с.
- Крих, Сергей Борисович; Метель, Ольга Вадимовна.* Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли. Москва: Ленанд, 2014. 256 с.
- Кром, Михаил Маркович.* Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 256 с.
- Кушко, Андрей; Таки, Виктор.* «Кто мы?» Историографический выбор: Румынская нация или молдавская государственность // *Ab imperio.* 2003. № 1. С. 485–497.
- Лукин, Павел Владимирович.* Деконструкция деконструкции (О книге Т. Л. Вилкул по истории древнерусского веча) // *Scrinium. Т. 4: Patrologia Pacifica. Selected papers presented to the Western Pacific Rim Patristics Society 3rd Annual Conference (Nagoya, Japan, September 29 – October 1, 2006) and other patristic studies / Edited by Vladimir Baranov and Basil Lourié (2008).* Санкт-Петербург: Ахиѡта, 2008. С. 403–434.
- Мартынюк, Алексей Викторович.* До Герберштейна: Австрия и Восточная Европа в системе персональных связей и культурных контактов (XIII – начало XVI века). Москва: Квадрига, 2019. 576 с.
- Мартынюк, Алексей Викторович.* «Великий раскол» восточнославянской медиевистики: Семь тезисов к дискуссии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2017. № 1. С. 146–153.
- Мишечкин, Геннадий Валерьевич.* Теоретико-методологическая база постсоветской исторической науки (90-е гг. XX – нач. XXI вв.) // *Белые пятна российской и мировой истории.* 2017. № 3. С. 25–39.
- Молотов, Игорь.* Черная дюжина. Общество смелых. Москва: «Центрполиграф», 2016. 384 с.
- Нарративы руси конца XV – середины XVIII века: В поисках своей истории / Отв. сост., отв. ред. серии Андрей Владимирович Доронин.* Москва: РОССПЭН, 2018. 430 с.
- Нефёдов, Вячеслав Викторович; Острога, Виктор Александрович.* Проблемы новой и новейшей истории в современной белорусской историографии // *Новая и новейшая история.* 2017. № 5. С. 166–178.
- Панченко, Александр Михайлович.* Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: История и культура. Санкт-Петербург: Журнал «Звезда», 2008. 544 с.
- Петрухин, Владимир Яковлевич.* Новгородское Городище и Гнёздово: 40 лет полемики // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2019. № 2. С. 93–100.
- Пихоя, Рудольф Германович.* Востребованная временем история: Отечественная историческая наука в 20–30-е годы XX века // *Новая и новейшая история.* 2004. № 2. С. 28–53.
- Про, Антуан.* Двенадцать уроков по истории. Москва: РГГУ, 2000. 334 с.
- Романчук, Алексей Андреевич.* Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: Взгляд со стороны // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* 2013. № 5. С. 283–299.
- Свеишников, Антон.* Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930–1940-х годов // *Новое литературное обозрение.* 2008. № 2. С. 86–112.
- Семенов, Александр.* От редакции. Дилеммы написания истории империи и нации: Украинская перспектива // *Ab imperio.* 2003. № 2. С. 377–386.
- Сергеенкова, Вера Васильевна; Яновский, Олег Антонович.* Российская история в исследовательской и преподавательской практике историков БГУ (1921–2017) // *Журнал Белорусского государственного университета.* История. 2018. № 4. С. 117–128.
- Толочко, Алексей Петрович.* Воображенная народность // *Ruthenica.* 2002. № 1. С. 112–117.
- Толочко, Алексей Петрович.* Очерки начальной Руси. Киев; Санкт-Петербург: Лаурис, 2015. 336 с.
- Томсинский, Сергей Владимирович.* Ленинградский неонорманизм: Истоки и итоги // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* 2014. № 5. С. 357–370.
- Уваров, Павел Юрьевич.* Вот тут все и кончилось, Или фракталы российской историографии // *Уваров, Павел Юрьевич: Между «ежами» и «лисами»: Заметки об историках.* Москва: Новое литературное обозрение, 2015. С. 151–159.
- Уваров, Павел Юрьевич.* Советская медиевистика сегодня: Утраченное наследие или продолженная традиция? // *Электронный научно-образовательный журнал «История».* 2014. № 6.
- Уваров, Павел Юрьевич.* «Мы теряем его!» Сообщество российских медиевистов между 1985 и 2010 гг. // *Электронный научно-образовательный журнал «История».* 2010. № 1.

Ушаков, Владимир Александрович; Барышников, Владимир Николаевич; Адамова, Нина Эдуардовна; Карцов, Алексей Сергеевич. 180-летие изучения истории Нового и новейшего времени в Санкт-Петербургском университете // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16. Вып. 1. С. 18–66.

Филюшкин, Александр Ильич. Проблема генезиса Российской империи // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей / Ред и сост. Илья Герасимов, Сергей Глебов, Александр Каплуновский, Марина Могильнер, Александр Семенов. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. (Библиотека журнала «Ab Imperio»). С. 375–408.

Хачатурян, Нина Александровна. Современная медиэвистика России в контексте мировой исторической науки // Средние века. 2001. № 62. С. 195–212.

Цатурова, Сусанна Карленовна. О пользе презентизма, или как изучать истоки национального государства в ожидании его отмирания // Диалог со временем. 2018. № 65. С. 59–72.

Шнирельман, Виктор. Президенты и археология, или что ищут политики в древности: Далекое прошлое и его политическая роль в СССР и в постсоветское время // Ab imperio. 2009. № 1. С. 279–325.

Шувалов, Петр Валерьевич. Изобретение проблемы (по поводу книги Флорина Курты) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2. С. 13–20.

Юсова, Наталья. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). Вінниця, 2005. 545 с.

Barford, Pol. Slavs Beyond Justinians Frontiers // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2. P. 21–32.

Boyma, Amieke. Turkmenistan: Epics in Place of Historiography // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2011. Bd 59. H. 4. P. 559–585.

Confino, Michael. The New Russian Historiography, and the Old—Some Considerations // History and Memory. 2009. Vol. 21. No. 2. P. 7–33.

Curta, Florin. Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 526 p.

Curta, Florin. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 496 p.

Dadabaev, Timur. Power, social life, and public memory in Uzbekistan and Kyrgyzstan // Inner Asia. 2010. Vol. 12. No. 1. P. 25–48.

David-Fox, Michael. Multiple Modernities vs. Neo-Traditionalism: On Recent Debates in Russian and Soviet History // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2006. Bd 54. H. 4. P. 535–555.

Dvornichenko, Andrey. The Place of the Kievan Rus in History // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. № 4. С. 5–17.

Epkenhans, Tim. Historiographie in Tadschikistan [Zwischen mythos und minenfeld] // Osteuropa. 2012. Bd 62. H. 3. P. 137–150.

Franklin, Simon. Pre-Mongol Rus': New Sources, New Perspectives? // The Russian Review. 2001. Vol. 60. No. 4. P. 465–473.

Grala, Hieronim. Rzeczpospolita Szlachecka — twór kolonialny? // Perspektywy kolonializmu w Polsce, Polska w perspektywie kolonialnej / Red. Jan Kieniewicz. Warszawa: WAL UW, 2016. S. 275–299 (Debaty Artes Liberales, t. X).

Grala, Hieronim. Was the Polish-Lithuanian Commonwealth a Colonial State? // The Polish Quarterly of International Affairs. 2017. No. 4. P. 125–150.

Halperin, Charles. A comparative approach to Kievan Rus // Russian History. 2015. Vol. 42. No. 2. P. 149–157.

Kappeler, Andreas. Ukraine and Russia: Legacies of the imperial past and competing memories // Journal of Eurasian Studies. 2014. Vol. 5. No. 2. P. 107–115.

Kovalev, Roman. Reimagining Kievan Rus' in unimagined Europe // Russian History. 2015. Vol. 42. No. 2. P. 158–187.

Krapauskas, Virgil. Marxism and Nationalism in Soviet Lithuanian Historiography // Journal of Baltic Studies. 1992. Vol. 23. No. 3. P. 239–260.

Kuzio, Taras. Post-Soviet Ukrainian Historiography in Ukraine // Internationale Schulbuchforschung. 2001. Vol. 23. No. 1. P. 27–42.

Lanzillotti, Ian. Historiography and the politics of land, identity, and belonging in the twentieth-century North Caucasus // Nationalities Papers. 2016. Vol. 44. No. 4. P. 503–521.

- Mažeika, Rasa.* The Grand Duchy rejoins Europe: Post-Soviet developments in the historiography of pagan Lithuania // *Journal of Medieval History*. 1995. Vol. 21. No. 3. P. 289–303.
- Milich, Petar.* [Review to *The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region c. 500–700* by Florin Curta] // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2003. Bd 51. H. 1. P. 90–98.
- Morozova, Irina.* Contemporary Azerbaijani Historiography on the Problem of «Southern Azerbaijan» after World War II // *Iran & the Caucasus*. 2005. Vol. 9. No. 1. P. 85–120.
- Nomads as Agents of Cultural Change: the Mongols and their Eurasian Predecessors / Ed. by Reuven Amitai and Michal Biran. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2015. 345 p.
- Plokhyy, Serhii.* Quo Vadis Ukrainian History? // *Harvard Ukrainian Studies*. 2015–2016. Vol. 34. No. 1. P. 11–34.
- Rebas, Hain.* Dependence and Opposition. Problems in Soviet Estonian Historiography in the late 1940s and early 1950s // *Journal of Baltic Studies*. 2005. Vol. 36. No. 4. P. 423–444.
- Rüß, Hartmut.* Should Kievan Rus' be forgotten? (German gymnasium history textbooks of the late 20th century) // *Quaestio Rossica*. 2018. № 6. P. 581–595.
- Streşină, Vioreca.* Des conclusions sur les représentations de la Moldavie postsoviétique // *Revista Transilvania*. 2009. Vol. 1. P. 63–67.
- Tchoroev, Tynchtykbek.* Historiography of post-Soviet Kyrgyzstan // *International Journal of Middle East Studies*. 2002. Vol. 34. No. 2. P. 351–374.
- Tolochko, Oleksiy P.* The Primary Chronicle's «Ethnography» Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper and the Origin of Rus' State // *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe*. Turnhout: Brepols, 2008. P. 169–188.
- Urbańczyk, Przemysław.* Trudne początki Polski. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego Sp. z o. o., 2008. 420 s.
- Van Nieuwerkerken, Arent.* Ruš kijowska między eurazją a Europą środkowowschodnią. Rosyjskie narracje tożsamościowe z zachodniego punktu widzenia // *Porównania*. 2015. No. 16. S. 19–30.
- Wulf, Meike; Grönholm, Pertti.* Generating Meaning Across Generations: the Role of Historians in the Codification of History In Soviet And Post-Soviet Estonia // *Journal of Baltic Studies*. 2010. Vol. 41. No. 3. P. 351–382.
- Zhumagulov, Kalkaman.* Contemporary Kazakhstan medieval studies of the periodization of the history of early medieval Europe // *Life Science Journal*. 2014. No. 11. P. 223–226.
- Zolyan, Mikayel; Zakaryan, Tigran.* Representations of «Us» and «Them» in History Textbooks of Post-Soviet Armenia // *Internationale Schulbuchforschung*. 2008. Vol. 30. No. 4. P. 785–795.

Information about the article

Author: Filyushkin, Alexander Ilyich — Dr. Sc. in History, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: a.filyushkin@spbu.ru, OrcID 0000-0003-2456-7514, Researcher ID F-9139-2013, Scopus ID 55336577600, SPIN-code 1117-2468

Title: How to study the history of Eastern Europe today?

Summary: The author analyzes the historiographic situation that has developed in recent years on post-soviet space. He draws attention to the changing subject and nature of scientific research. In the historiography of the new nation-states, national history dominates, in their historical politics - nationalism. This weakens the scientific component, since national history in its characteristics is presentist and constructivist. She suffers from autarchy, the work of scientists is confined only to the national reader, and the products which is produced by national historiographies, has mainly domestic consumers, it is difficult to enter the world scientific platform with it. An indicator of the situation is the absence of indexing scientific journals of these countries in international highly rated databases (unlike Russia, Estonia, Lithuania, Latvia, Moldova, which are more oriented to international scientific criteria). There is a reduction in the study of world history, and the history of Russia interpreted in the spirit of the corresponding historical policy and practically not studied in the scientific plan. The article offers an overview of relevant research areas and concludes that scientific integration and the development of a new general concept of the history of the Central-Eastern Europe. Comparative studies are promising here; it is useful to include in the field of comparison and the Balkans and the countries of Central Europe. In the pre-imperial period, the studied historical region in general, it would be more correct to define Central-Eastern Europe from the Elbe and the Danube to Don and Volga, from the Baltic to the Black Sea as a complete region. Historically, everything here was too intertwined and interconnected to plunder it over national historic territories.

Keywords: historiography, methodology of history, Eastern Europe, post-soviet space, historical memory

References:

- Alimov, Denis Evgenyevich; Kibin, Aleksey Sergeevich. Review: [Urbańczyk Przemysław. *Trudne początki Polski*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego Sp. z o. o., 2008. 420 s. ISBN 978-83-229-2916-2], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. No. 1. Pp. 213–236. (in Russian).
- Amitai, Reuven; Biran, Michal (eds). *Nomads as Agents of Cultural Change: the Mongols and their Eurasian Predecessors*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2015. 345 p.
- Barford, Pol. Slavs Beyond Justinians Frontiers, in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. No. 2. Pp. 21–32.
- Bouma, Amieke. Turkmenistan: Epics in Place of Historiography, in *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2011. Bd 59. H. 4. Pp. 559–585.
- Boytsov, Mikhail Anatolyevich. Vpered, k Gerodotu! [Forward to Herodotus!], in *Kazus: Individual'noe i unikal'noe v istorii*. 1999. No. 2. Pp. 17–41. (in Russian).
- Bourdieu, Pierre. Identichnost' i reprezentatsiya: elementy kriticheskoy refleksii idei «regiona» [Identity and Representation: Elements of Critical Reflection on the Idea of a' Region], in *Ab imperio*. 2002. No. 3. Pp. 45–61. (in Russian).
- Confino, Michael. The New Russian Historiography, and the Old—Some Considerations, in *History and Memory*. 2009. Vol. 21. No. 2. Pp. 7–33.
- Curta, Florin. *Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 526 p.
- Curta, Florin. *The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 496 p.
- Dadabaev, Timur. Power, social life, and public memory in Uzbekistan and Kyrgyzstan, in *Inner Asia*. 2010. Vol. 12. No. 1. Pp. 25–48.
- Danilevskiy, Igor Nikolaevich. *Povest' vremennykh let: Germeneticheskie osnovy istochnikovedeniya letopisnykh tekstov* [Povest' vremennykh let: Hermeneutic foundations of source study of chronicle texts]. Moscow: Aspekt Press Publ., 2004. 370 p. (in Russian).
- David-Fox, Michael. Multiple Modernities vs. Neo-Traditionalism: On Recent Debates in Russian and Soviet History, in *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2006. Bd 54. H. 4. Pp. 535–555.
- Dvornichenko, Andrey. The Place of the Kievan Rus in History, in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Istoriya. 2016. No. 4. Pp. 5–17.
- Dvornichenko, Andrey Yuryevich. «Narrativy! Narrativy! Do chego zh vy doveli...»: O knige T. L. Vilkul «Lyudi i knyaz' v drevnerusskikh letopisyakh serediny XI–XIII vv.» (M.: Kvadriga, 2009. 408 s.) [«Narratives! Narratives! What have you brought...»: About the book by T. L. Vilkul: «Lyudi i knyaz' v drevnerusskikh letopisyakh serediny XI–XIII vv.» (M.: Kvadriga Publ., 2009. 408 s.)], in *Vestnik St.-Peterburgskogo universiteta*. Seriya 2: «Istoriya». 2011. No. 4. Pp. 152–157. (in Russian).
- Ekelchik, Sergey. Ukrainskaya istoricheskaya pamyat' i sovetskiy kanon: kak opredelyalos' natsional'noe nasledie Ukrainy v stalinskuyu epokhu [Ukrainian historical memory and the Soviet canon: how the national heritage of Ukraine was defined in the Stalin era], in *Ab imperio*. 2004. No. 2. Pp. 77–124. (in Russian).
- Epkenhans, Tim. Historiographie in Tadschikistan (Zwischen mythos und minenfeld) [Historiography in Tajikistan (Between myth and minefield)], in *Osteuropa*. 2012. Bd 62. H. 3. Pp. 137–150 (in German).
- Eremeev, Ivan Igorevich; Dzyuba, Olga Fedorovna. *Ocherki istoricheskoy geografii lesnoy chasti Puti iz varyag v greki. Arkheologicheskie i paleograficheskie issledovaniya mezhdru Zapadnoy Dvinoi i ozerom Ilmen'* [Essays on the historical geography of the forest part of the Way from the Varangians to the Greeks. Archaeological and paleographic research between the Western Dvina and Lake Ilmen']. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2010. 670 p. (in Russian).
- Eremeev, Ivan Igorevich. Planigrafija i hronologija drevnejshih jetapov zhizni Rjurikova Gorodishha po materialam issledovaniy 2013–2016 gg. [The planigraphy and chronology of the most ancient stages of the life of Rurik's hillfort according to research materials 2013–2016], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. No 2. Pp. 67–92. (in Russian).
- Filyushkin, Alexandr Ilyich. Problema genezisa Rossiyskoy imperii [The Problem of the geneses of the Russian Empire], in Gerasimov, Ilya; Glebov, Sergey; Kaplunovskiy, Aleksandr; Mogilner, Marina; Semenov, Aleksandr (eds). *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva*: Sbornik statey. Kazan: Tsentr issledovaniy natsionalizma i imperii Publ., 2004. (Biblioteka zhurnala «Ab Imperio»). Pp. 375–408. (in Russian).

- Franklin, Simon. Pre-Mongol Rus': New Sources, New Perspectives? in *The Russian Review*. 2001. Vol. 60. No. 4. Pp. 465–473.
- Grala, Hieronim. Rzeczpospolita Szlachecka — twór kolonialny? [The Noble Polish Commonwealth — a colonial creation?], in Kieniewicz, Jan (ed.). *Perspektywy kolonializmu w Polsce, Polska w perspektywie kolonialnej*. Warszawa: WAL UW Publ., 2016. (Debaty Artes Liberales. T. X). Pp. 275–299. (in Polish).
- Grala, Hieronim. Was the Polish-Lithuanian Commonwealth a Colonial State? in *The Polish Quarterly of International Affairs*. 2017. No. 4. Pp. 125–150.
- Gritsak, Yaroslav. Ukrainskaya istoriografiya: 1991–2001. Desyatiletie peremen [Ukrainian historiography: 1991–2001. A decade of change], in *Ab imperio*. 2003. No. 2. Pp. 427–454. (in Russian).
- Halperin, Charles. A comparative approach to Kievan Rus, in *Russian History*. 2015. Vol. 42. No. 2. Pp. 149–157.
- Ivanov, Sergey Arkadyevich. «V teni Yustinianovykh krepostey»? F. Kurta i paradoksy ranneslavjanskoj etnichnosti [«In the shadow of Justinian's forts»? F. Curta and paradoxes of the early Slavs' ethnicity], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. No. 2. Pp. 5–12. (in Russian).
- Kappeler, Andreas. Ukraine and Russia: Legacies of the imperial past and competing memories, in *Journal of Eurasian Studies*. 2014. Vol. 5. No. 2. Pp. 107–115.
- Kasyanov, Georgiy. *Ukraina i ee sosedi. Istoricheskaya politika 1987–2018 [Ukraine and its neighbors. Historical politics 1987–2018]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 632 p. (in Russian).
- Khachatryan, Nina Aleksandrovna. Sovremennaya medievistika Rossii v kontekste mirovoy istoricheskoy nauki [Modern medieval studies of Russia in the context of world historical science], in *Srednie veka*. 2001. No. 62. Pp. 195–212. (in Russian).
- Kirpichnikov, Anatolij Nikolaevich; Kurbatov, Aleksandr Valentinovich. Novye dannye o proiskhozhdenii ladozhskogo poseleniya i o poyavlenii slavyan v Povolkhov'e [New data on the origin of the Ladoga settlement and the appearance of the Slavs in Volkhov region], in *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya*. 2014. No. 5. Pp. 129–136. (in Russian).
- Koposov, Nikolay Evgenyevich. *Kak dumayut istoriki [How historians are thinking]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 325 p. (in Russian).
- Korzun, Valentina Pavlovna; Kolevatov, Dmitriy Mikhaylovich. Obraz istoricheskoy nauki v pervoe poslevoennoe desyatiletie: transformatsiya istoriograficheskikh koordinat [The Image of Historical Science in the First Post-War Decade: Transformation of Historiographic Coordinates], in *Dialog so vremenem*. 2010. No. 33. Pp. 59–85. (in Russian).
- Kovalev, Roman. Reimagining Kievan Rus' in unimagined Europe, in *Russian History*. 2015. Vol. 42. No. 2. Pp. 158–187.
- Kradin, Nikolay Nikolaevich. Vostochnaya Evropa i mongol'skaya globalizatsiya [Eastern Europe and Mongolian Globalization], in *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya*. 2016. No. 5. Pp. 17–25. (in Russian).
- Krapauskas, Virgil. Marxism and Nationalism in Soviet Lithuanian Historiography, in *Journal of Baltic Studies*. 1992. Vol. 23. No. 3. Pp. 239–260.
- Krikh, Sergey Borisovich; Metel, Olga Vadimovna. *Sovetskaya istoriografiya drevnosti: Struktury, lyudi, idei: Putevoditel' po sovetskoj nauke o drevney istorii [Soviet Historiography of Antiquity: Structures, People, Ideas: A Guide to Soviet Science of Ancient History]*. Moscow: Lenand Publ., 2019. 200 p. (in Russian).
- Krikh, Sergey Borisovich; Metel, Olga Vadimovna. *Sovetskaya istoriografiya drevnosti v kontekste mirovoy istoriograficheskoy mysli [Soviet historiography of antiquity in the context of world historiographic thought]*. Moscow: Lenand Publ., 2014. 256 p. (in Russian).
- Krom, Mikhail Markovich. *Rozhdenie gosudarstva. Moskovskaya Rus' XV–XVI vekov [The birth of the state. Muscovy in the 15th–16th centuries]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 256 p. (in Russian).
- Kushko, Andrey; Taki, Viktor. «Kto my?» Istorograficheskiy vybor: Rumynskaya natsiya ili moldavskaya gosudarstvennost' [«Who are we?» Historiographic choice: Romanian nation or Moldovan statehood], in *Ab imperio*. 2003. No. 1. Pp. 485–497. (in Russian).
- Kuzio, Taras. Post-Soviet Ukrainian Historiography in Ukraine, in *Internationale Schulbuchforschung*. 2001. Vol. 23. No. 1. Pp. 27–42.
- Lanzillotti, Ian. Historiography and the politics of land, identity, and belonging in the twentieth-century North Caucasus, in *Nationalities Papers*. 2016. Vol. 44. No. 4. Pp. 503–521.

- Lukin, Pavel Vladimirovich. Dekonstruksiya dekonstruktsii (O knige T. L. Vilkul po istorii drevnerusskogo vecha) [Deconstruction of deconstruction (About T. L. Vilkul's book on the history of the Old Russian Veche)], in Baranov, Vladimir; Lourić, Basil (eds). *Scrinium*. T. 4: Patrologia Pacifica. Selected papers presented to the Western Pacific Rim Patristics Society 3rd Annual Conference (Nagoya, Japan, September 29 – October 1, 2006) and other patristic studies. St. Petersburg: Axiōma Publ., 2008. Pp. 403–434. (in Russian).
- Martyniuk, Aleksey Viktorovich. *Do Gerbershteyna: Avstriya i Vostochnaya Evropa v sisteme personal'nykh svyazey i kul'turnykh kontaktov (XIII – nachalo XVI veka)* [Before Herberstein: Austria and Eastern Europe in the system of personal connections and cultural contacts (13th – the beginning of the 16th century)]. Moscow: Kvadriga Publ., 2019. 576 p. (in Russian).
- Martyniuk, Aleksey Viktorovich. «Velikiy raskol» vostochnoslavyanskoj medievistiki: Sem' tezisov k diskussii [“The Great Schism” of Eastern Slavic Medieval Studies: Seven Theses for Discussion], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. No. 1. Pp. 146–153. (in Russian).
- Mažeika, Rasa. The Grand Duchy rejoins Europe: Post-Soviet developments in the historiography of pagan Lithuania, in *Journal of Medieval History*. 1995. Vol. 21. No. 3. Pp. 289–303.
- Milich, Petar. [Review to The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region c. 500–700 by Florin Curta], in *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2003. Bd 51. H. 1. Pp. 90–98.
- Mishechkin, Gennadiy Valeryevich. Teoretiko-metodologicheskaya baza postsovetskoy istoricheskoy nauki (90-e gg. XX – nachalo XXI v.) [Theoretical and methodological base of post-Soviet historical science (90s of the 20th – beginning of 21st centuries)], in *Belye pyatna rossiyskoy i mirovoy istorii*. 2017. No. 3. Pp. 25–39. (in Russian).
- Morozova, Irina. Contemporary Azerbaijani Historiography on the Problem of «Southern Azerbaijan» after World War II, in *Iran & the Caucasus*. 2005. Vol. 9. No. 1. Pp. 85–120.
- Plokyh, Serhii. Quo Vadis Ukrainian History? in *Harvard Ukrainian Studies*. 2015–2016. Vol. 34. No. 1. Pp. 11–34.
- Nefedov, Vyacheslav Viktorovich; Ostroga, Viktor Aleksandrovich. Problemy novoy i noveyshey istorii v sovremennoy belorusskoy istoriografii [Problems of Modern and Contemporary History in Contemporary Belarusian Historiography], in *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2017. No. 5. Pp. 166–178. (in Russian).
- Nieukerken van, Arent. Ruś kijowska między eurazją a Europą środkowowschodnią. Rosyjskie narracje tożsamościowe z zachodniego punktu widzenia [Kievan Rus between Eurasia and Central and Eastern Europe. Russian identity narratives from the western point of view], in *Porownania*. 2015. No. 16. Pp. 19–30. (in Polish).
- Pikhoya, Rudolf Germanovich. Vostrebovannaya vremenem istoriya. Otechestvennaya istoricheskaya nauka v 20–30-e gody XX veka [History demanded by time. Domestic historical science in the 20–30s of the twentieth century], in *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2004. No. 2. Pp. 28–53. (in Russian).
- Petrukhin, Vladimir Yakovlevich. Novgodskoe Gorodische I Gnezdovo: 40 let polemiki [Gorodische from Novgorod and Gnyozdovo: 40 years of controversy], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. No 2. Pp. 93–100. (in Russian).
- Rebas, Hain. Dependence and Opposition. Problems in Soviet Estonian Historiography in the late 1940s and early 1950s, in *Journal of Baltic Studies*. 2005. Vol. 36. No. 4. Pp. 423–444.
- Romanchuk, Aleksey Andreevich. Varyago-russkiy vopros v sovremennoy diskussii: Vzglyad so storony [Varyago-Russian question in modern discussion: a view from the outside], in *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya*. 2013. No. 5. Pp. 283–299. (in Russian).
- Rüß, Hartmut. Should Kievan Rus' be forgotten? (German gymnasium history textbooks of the late 20th century), in *Quaestio Rossica*. 2018. No 6. Pp. 581–595.
- Semenov, Aleksandr. Ot redaktsii. Dilemmy napisaniya istorii imperii i natsii: ukrainskaya perspektiva [From the editors. The dilemmas of writing the history of empire and nation: A Ukrainian perspective], in *Ab imperio*. 2003. No. 2. Pp. 377–386. (in Russian).
- Sergeenkova, Vera Vasilyevna; Yanovskiy, Oleg Antonovich. Rossiyskaya istoriya v issledovatel'skoy i prepodavatel'skoy praktike istorikov BGU (1921–2017) [Russian history in the research and teaching practice of historians of BSU (1921–2017)], in *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2018. No. 4. Pp. 117–128. (in Russian).
- Shnirelman, Viktor. Prezidenty i arkeologiya, ili chto ischut politiki v drevnosti: dalekoe proshloe i ego politicheskaya rol' v SSSR i v postsovetskoe vremya [Presidents and archeology, or what politicians are looking for in antiquity: the distant past and its political role in the USSR and post-Soviet times], in *Ab imperio*. 2009. No. 1. Pp. 279–325. (in Russian).

- Shuvalov, Petr Valeryevich. Izobretenie problemy (po povodu knigi Florina Kurty) [The invention of the problem (on Florin Curta's book)], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. No. 2. Pp. 13–20. (in Russian).
- Streșină, Viorica. Des conclusions sur les représentations de la Moldavie postsoviétique [Conclusions on the representations of post-Soviet Moldova], in *Revista Transilvania*. 2009. Vol. 1. Pp. 63–67. (in French).
- Sveshnikov, Anton. Sovetskaya medievistika v ideologicheskoy bor'be kontsa 1930–1940-kh godov [Soviet medieval studies in the ideological struggle of the late 1930s-1940s], in *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2008. No. 2. Pp. 86–112. (in Russian).
- Tchoroev, Tyntchtykbek. Historiography of post-Soviet Kyrgyzstan, in *International Journal of Middle East Studies*. 2002. Vol. 34. No. 2. Pp. 351–374.
- Tolochko, Aleksey Petrovich. *Ocherki nachal'noy Rusi* [Issues of the beginning of Russia]. Kiev; St. Petersburg: Laurus Publ., 2015. 336 p. (in Russian).
- Tolochko, Aleksey Petrovich. Voobrazhennaya narodnost' [Imaginary nation], in *Ruthenica*. 2002. No. 1. Pp. 112–117. (in Russian).
- Tolochko, Oleksiy P. The Primary Chronicle's «Ethnography» Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper and the Origin of Rus' State, in *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe*. Turnhout: Brepols, 2008. P. 169–188.
- Tomsinskiy, Sergey Vladimirovich. Leningradskiy neonormanizm: istoki i itogi [Leningrad neo-Normanism: origins and results], in *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya*. 2014. No. 5. Pp. 357–370. (in Russian).
- Tsaturova, Susanna Karlenovna. O pol'ze prezentizma, ili kak izuchat' istoki natsional'nogo gosudarstva v ozhidanii ego otmiraniya [About the useful of presentism, or how to study the origins of the nation state in anticipation of its withering away], in *Dialog so vremenem*. 2018. No. 65. Pp. 59–72. (in Russian).
- Urbańczyk, Przemysław. *Trudne początki Polski* [Difficult beginnings of Poland]. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego Sp. z o. o. Publ., 2008. 420 p. (in Polish).
- Ushakov, Vladimir Aleksandrovich; Baryshnikov, Vladimir Nikolaevich; Adamova, Nina Eduardovna; Kartsov, Aleksey Sergeevich. 180-letie izucheniya istorii Novogo i noveyshego vremeni v Sankt-Peterburgskom universitete [180th anniversary of the study of the history of modern and contemporary times at St. Petersburg University], in *Trudy kafedry istorii Novogo i noveyshego vremeni*. 2016. No. 16-1. Pp. 18–66. (in Russian).
- Uvarov, Pavel Yuryevich. «My teryaem ego!» Soobshchestvo rossiyskikh medievistov mezhdru 1985 i 2010 gg. [«We're losing it!» The community of Russian medievalists between 1985 and 2010], in *Elektronniy nauchno-obrazovatel'niy zhurnal "Istoriya"*. 2010. No. 1. (in Russian).
- Uvarov, Pavel Yuryevich. Sovetskaya medievistika segodnya: utrachennoe nasledstvo ili prodolzhenennaya traditsiya? [Soviet medieval studies today: A lost legacy or a continued tradition?], in *Elektronniy nauchno-obrazovatel'niy zhurnal "Istoriya"*. 2014. No. 6. (in Russian).
- Uvarov, Pavel Yuryevich. Vot tut vse i konchilos', ili fraktaly rossiyskoy istoriografii [That's where it all ended, Or the fractals of Russian historiography], in Uvarov, Pavel Yuryevich. *Mezhdru «ezhami» i «lisami»: Zametki ob istorikakh*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. Pp. 151–159. (in Russian).
- Vilkul, Tatyana Leonidovna. *Lyudi i knyaz' v drevnerusskikh letopisyakh serediny XI–XIII vv.* [People and the prince 'in the ancient Russian annals of the middle of the 11th – 13th centuries]. Moscow: Kvadriga Publ., 2009. 408 p. (in Russian).
- Wulf, Meike; Grönholm, Pertti. Generating Meaning Across Generations: The Role of Historians in the Codification of History In Soviet And Post-Soviet Estonia, in *Journal of Baltic Studies*. 2010. Vol. 41. No. 3. Pp. 351–382.
- Yusova, Nataliya. *Genezis kontseptsii davnorusskoy narodnosti v istorichniy nauki SRSR (1930-ti – pershapolovina 1940-kh rr.)* [The genesis of the concept of the old Russian nationality in the historical science of the USSR (1930s – half of the 1940s)]. Vinnitsya: S. L., 2005. 545 p. (in Ukrainian).
- Zhumagulov, Kalkaman. Contemporary Kazakhstan medieval studies of the periodization of the history of early medieval Europe, in *Life Science Journal*. 2014. No. 11. Pp. 223–226.
- Zolyan, Mikayel; Zakaryan, Tigran. Representations of «Us» and «Them» in History Textbooks of Post-Soviet Armenia, in *Internationale Schulbuchforschung*. 2008. Vol. 30. No. 4. Pp. 785–795.